

Если бы этот звонок раздался тогда, когда не было ни звонившей в дверь Маленькой феи, ни той уличной драки, превратившей всё в сплошную кашу... то он сейчас наверняка был бы дома. Уютно свернулся бы на теплом диване и, прижимая ладонь к гложущему виной сердцу, всем сердцем и с бесконечной тоской нежно окружил бы Чжу Лина любовью. Он верил, что столь глубокая любовь и тоска обязательно излечат все прошлые мелкие раны и размолвки. И в будущем они продолжали бы жить в сладостной неге, он снова берег бы Чжу Лина, будто хрупкое сокровище, пылинке не давая на него упасть.

Но увы.

Какова же реальность?

В темноте отельного номера изящный бра отбрасывал тусклый желтоватый свет — слабое, красивое и до боли ироничное свечение.

Цзи Кай почувствовал, как защипало в носу.

Если бы он всё еще мог, как прежде, безоглядно и до капли доверять своему любимому человеку, то сейчас его бы здесь вовсе не было. Он бы ни за что не согласился, словно бесом попутанный, рвануть вместе с парнем Маленькой феи «с внезапной проверкой на съемки» и уж точно не оказался бы заперт с ним в одном номере посреди проливного дождя.

...

На том конце провода раздался звон бьющегося стекла. Что-то с грохотом разлетелось на осколки.

— Чжу Лин?!

— У-у... Я в порядке. Это бутылка... случайно разбил.

— Ты что, пил?

— Да, пил! Я влил в себя целую бутылку красного вина, только чтобы набраться храбрости и задать тебе те вопросы!

Цзи Кай поднял запястье и потер горящие глаза:

— У тебя слабый желудок, не пей так много.

— Мне всё равно! Медвежонок, ты меня больше не любишь, я тебе больше не нужен! Лучше уж я уплюсь насмерть!

Цзи Каю часто казалось, что Чжу Лин похож на милого, но капризного и взбалмошного ребенка: то растопит твоё сердце так, что хочется сжать его в объятиях, то выведет из себя настолько, что не знаешь, куда деваться.

— Разумеется, я тебя люблю.

Хотя в последнее время от этой любви становилось совестно и грустно.

— Ты и сяо Янь — самые важные люди для меня в этом мире. Прекрати изводить себя, слышишь? Осколки на полу сам не убирай, порежешься. Не бери в голову всякую чушь, быстро ложись спать.

— Брат Кай...

— Будь послушным, завтра я приеду к тебе в город С.

Голос на том конце мгновенно ожил, словно озаренный вспышкой:

— Ты правда приедешь? Медвежонок, ты правда приедешь?

— Как только дождь утихнет, сразу приеду.

Чжу Лин несколько раз шмыгнул носом, будто сквозь слезы у него наконец пробилась улыбка:

— Тогда, брат Кай, ты обязательно должен приехать! Я буду ждать, ты ведь меня не обманешь?

— Хорошо-хорошо, давай спать, не порти себе рабочий день, ладно?

...

В комнате снова воцарилась тишина.

Ли Вэйду безучастно смотрел в темный потолок.

Все это время он искренне считал, что Цзи Кай точно такой же, как он сам. Что тот сам напрашивается на чужую симпатию, цепляется за крохи роскошного тепла и ни за что не хочет отпускать. И в итоге ему остается лишь уступать шаг за шагом, терпеть бесконечное пренебрежение, холод и взбалмошные капризы, абсолютно беспомощному перед лицом происходящего.

Именно поэтому Ли Вэйду каждый раз не мог сдержаться. Будто презирая и ненавидя самого себя за то, что сам навлекает на себя мучения, он пользовался любой возможностью, чтобы язвительно уколоть Цзи Кая.

Но нет. Как оказалось, он ошибался — ошибался самым чудовищным образом.

Это его никто не любил. А вот у других любовь была.

Слова Чжу Лина, звучавшие только что из трубки, его терзания и страх потери — Ли Вэйду не верил, что всё это могло быть лишь спектаклем.

Раз так...

«Брат Ли, я правда не хотел говорить. Но они вдвоем уже совсем страх потеряли, вся съемочная группа в курсе!»

Раз у тебя уже есть любимый человек, раз тебе посчастливилось вступить с ним в брак, зачем быть таким ненасытным и зариться на чужое?

Непонятно.

Очень многих вещей Ли Вэйду не понимал.

Чжу Лин был словно баловень судьбы — ему всегда с легкостью доставалось всё, чего он хотел.

В старшей школе тот был нищим и глупым, не умел ничего, кроме как тренькать на гитаре,

петь, смеяться да паясничать. И тем не менее стоило ему с гитарой усесться на спортивной площадке, как его тут же в три ряда обступали восхищенные поклонники со сияющими глазами.

Всеми любимый, чарующий — казалось, ему вообще не нужно было прикладывать никаких усилий, чтобы удача сама валилась на него с неба. А если он изредка и косячил, то всегда умудрялся ловко выкрутиться, строя из себя дурачка или изображая милашку.

А что же он сам? Роскошная машина до школы, дворецкий, привозящий и увозящий его, собранность, серьезность, вечно первое место в списках успеваемости на доске объявлений.

И при этом всегда в полном одиночестве.

В конце концов даже сокровище, которое Ли Вэйду трепетно берег в ладонях долгие годы, Чжу Лин увлек за собой шутя, лишь белозубо улыбнувшись.

— На самом деле всё это были лишь злые слова, сказанные сгоряча, — глухо раздался в темноте голос Цзи Кая. Казалось, он обращался к Ли Вэйду, а может, говорил сам с собой. — Я вовсе не... не думал так на самом деле. Правда не думал. Я никогда не хотел причинить ему боль.

Ли Вэйду молчал. Боль сжимала тисками грудь, становилось трудно дышать.

Вот видите. Действительно ВСЕ любят Чжу Лина. ВСЕ преданны ему без остатка!

Какая-то немыслимая несправедливость.

— ...И какой толк говорить это теперь?

Смешивая досаду с капелькой злобы, Ли Вэйду заговорил своим низким, прохладным голосом, не без злорадства чеканя слова:

— Некоторые слова, будучи произнесенными, неизбежно ранят. Это как удар ножом — шрам останется в любом случае, сколько потом ни жалея, ничего уже не исправить.

Цзи Кай замер.

Хотя в темной комнате не было видно лиц, смущенная тяжесть, повисшая на душе Цзи Кая, ощущалась предельно отчетливо. Ли Вэйду почувствовал легкое торжество.

«Вэйду, знаешь что?»

«На самом деле я знаю, что если бы чаще отвечал на твои сообщения, тебе стало бы гораздо лучше. И знаю, что будь я к тебе чуточку мягче, ты не грустил бы так сильно. Вот только... я просто не хочу так делать~»

Когда Е Инь произносила это, ее большие глаза мерцали, а на утонченном лице играла почти невинная улыбка.

В тот миг Ли Вэйду осознал, что внезапная острая боль в сердце — это неуправляемая физиологическая реакция.

Черт...

Секунду назад он сам держал нож и с торжеством норовил всадить его кому-то в спину, а в следующую секунду старая, так и не зажившая рана вдруг сама собой разверзлась.

Он не мог вымолвить ни звука. Сам накликал на себя беду. В груди всё сочилось кровью, словно его медленно разрезали на куски.

Сидевший на соседней кровати Цзи Кай ничего подозрительного не заметил и на полном серьезе продолжал допытываться:

— Но, директор Ли, неужели совсем нет никакого способа загладить вину? Если я искренне-искренне извинюсь?

Ли Вэйду, точно выброшенная на берег рыба, изо всех сил заставил себя перестать бесполезно биться и ровным голосом ответил:

— Ничего страшного. Извлеки урок и в «следующий раз» просто не поступай так.

— Но вы же только что сказали...

— Я имел в виду: в «следующий раз», когда сменишь партнера и будешь со «следующим человеком», относись к нему хорошо и больше не распускай язык во время ссор.

— ...

— ...

— Эй, да что с вами такое! — Цзи Кай, одновременно разозленный и сбитый с толку, запустил в него подушкой. — С какой стати я должен кого-то менять? Если кому и менять, так это вам! Давайте начистоту, директор Ли, не будем обманывать ни себя, ни друг друга, и не надо тут соревноваться в упрямстве. Е Инь сама безоглядно липнет к Чжу Лину, вы ведь и сам в глубине души это понимаете?

Ли Вэйду лишь холодно усмехнулся:

— Умение Чжу Лина заговаривать зубы, сорить сладкими речами и обманывать — вы и сами с этим сталкивались. В этой истории он точно не чист на руку, рецидивист со стажем. Так что вам лучше быть осторожнее.

Сказав это, Ли Вэйду приготовился к возражениям Цзи Кая.

Однако в комнате неожиданно повисла звенящая тишина.

Разумеется, в восприятии Цзи Кая мир вовсе не был тихим — над его головой с грохотом проносился старый поезд, вызывая дикий шум в ушах.

Он опешив уставился в экран телефона.

Взлеты и падения в жизни — штука поистине щекочущая нервы.

Серьезно.

Цзи Каю казалось, что за последний месяц он превратился в дырявую посудину, которую швыряет по штормящему океану.

Каждый раз, стоит подумать, что вот-вот наступит штиль, судьба с черным юмором подбрасывает гигантские волны. А на этот раз всё и вовсе закрутилось в мрачный ураган колоссальной силы.

Предыдущий звонок был таким трогательным, так разрывал душу.

Чжу Лин звучал так, словно любит его и зависит от него безоглядно, до полного отчаяния.

Мало того что сам Цзи Кай растрогался до глубины души, так даже сидевший рядом высокомерный богач уверовал в это на сто процентов. Теперь-то он точно больше не посмеет свысока насмехаться над ним, называя никому не нужной «заезженной насадкой».

Однако... однако.

Не прошло и тридцати секунд после завершения разговора.

Цзи Кай ругал себя за дурную привычку. Повесив трубку, он чисто автоматически заглянул в мессенджер.

Там висел новый запрос на добавление в друзья.

Маленькая чиби-аватарка, никаких сопроводительных сообщений.

Потому что никакие сообщения были и не нужны.

На аватарке был изображен юноша — светлые волосы, бледная кожа. Черты лица переданы до того узнаваемо, что сразу становилось ясно, кто это.

Цзи Каю оставалось лишь мысленно восхититься собственной иронией.

<http://bllate.org/book/18382/1767641>